

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ
И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК:
ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ
В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

УДК 94(4)“1492/1914”

В статье рассматривается деятельность Луисы де Карвахаль-и-Мендосы – испанской католички, в рамках английского католического сообщества начала XVII в. Показано, что эта деятельность выходила за рамки предписанных женщинам ролей в религиозной сфере и включала в себя обращения протестантов, публичные проповеди и диспуты о вере. Тем не менее Луиса де Карвахаль попала в Англию с помощью клириков – английских иезуитов. Будучи испанской аристократкой, она выступала в качестве посредника между Испанией и английскими католиками в различных сферах, а благодаря своим связям она могла использовать возможности, не всегда доступные английским иезуитам. При этом ее статус женщины и знатной испанки защищал ее от преследований, каким неминуемо подверглись бы священники-англичане на ее месте. Автор приходит к выводу, что другие аспекты ее деятельности – помощь священникам, вывоз реликвий, обращения протестантов и даже диспуты с ними – прекрасно вписываются в контекст действий других женщин-католичек в Англии и не являются столь уникальными, как это принято считать.

Ключевые слова: Луиса де Карвахаль, социальная история религии, английские католики, миссионерство, женское монашество, гендерная история.

Key words: Luisa de Carvajal, social history of religion, English Catholics, missionary work, female monasticism, gender history.

Реформаторы церкви XVI столетия – католики и протестанты – в своих полемических и/или наставительных произведениях описывали идеальное устройство христианского общества, непосредственно или через критику реальных или приписываемых оппоненту несовершенств. В идеальном обществе каждый человек находился на своем месте, определенном его социальным и гендерным статусом. Женщинам – в католических сочинениях – отводились роли монахинь, молящихся за грехи мира, от которого они были отделены строгим правилом затвора, или же жен и матерей, воспитывавших домочадцев в духе благочестия. И те, и другие должны были находиться под постоянным руководством

наставников-мужчин – клириков. Любые случаи гендерной инверсии и попытки женщин претендовать на не полагающуюся их полу власть резко осуждались¹.

Тексты подобного рода оказали большое влияние не только на современников, но и на последующие поколения историков. Даже после того как женщины стали предметом исторических исследований, ученые долгое время предпочитали рассматривать эпоху Католической реформы лишь в контексте усиления контроля над обществом вообще и женщинами в частности, вызванного пристальным вниманием реформаторов к сфере сексуальности. Ведь женщинам, избравшим монашество, в пост-Тридентскую эпоху навязывалось правило затвора, ограничивавшее контакты обительниц монастырей с внешним миром и, следовательно, образовательную и благотворительную деятельность женских монашеских орденов, а любые шаги мирянок в сфере религии постоянно контролировалась духовенством. Соответственно женская активность в религиозной сфере постоянно противопоставлялась мужскому контролю. Несмотря на то что исследования последних десятилетий отошли от этой жесткой схемы и значительно расширили наши представления об активной деятельности женщин, монахинь и мирянок, в сфере религии и политики², она и сейчас зачастую описывается в терминах конфликта: давления мужчин и более или менее успешных попыток женщин ими манипулировать.

Но не слишком ли ограничивает угол зрения исследователей логика противостояния? Стоит задаться вопросом о том, в какой степени модель описания идеального общества, заданная параметрами жанра – полемики и/или наставления, – использовалась самими авторами этих сочинений в их социальной практике, а именно во взаимодействии клириков-реформаторов с женщинами, которых стоило бы назвать не столько помощницами, сколько сотрудницами; и насколько женская активность в религиозной сфере и даже вторжения в области жизни, традиционно считавшиеся мужскими и никак не вписывавшиеся в образ смиренной благочестивой прихожанки/монахини – например, религиозное образование и миссионерская деятельность, – осуществлялись не столько вопреки давлению духовенства, сколько при его полном одобрении, поскольку были необходимы христианской общине.

В статье рассматривается деятельность Луисы де Карвахаль – визионерки, поэтессы, автора религиозных текстов и посланий и даже проповедника католического учения в сердце протестантской Англии начала XVII в. – Лондоне³. Конечно, Луиса де Карва-

халь была личностью неординарной по любым меркам, однако этот экстремальный пример заставляет исследователя задуматься о границах допустимого применительно к поведению женщин в религиозной сфере, о том, как эти границы определяются в текстах и в социальной практике. Выявляемые в ходе исследования аспекты религиозной жизни женщин раннего Нового времени не вписываются в часто воспроизводимую исследователями модель доминирования мужчин-клириков в религиозной сфере и сопротивления им (порой успешного) женщин и в свою очередь вызывают вопрос о степени распространенности подобного “аномального” поведения.

Деятельность Луисы де Карвахаль в рамках английской католической общины *кажется* почти вызывающей: помимо распространения католической литературы, помощи священникам и бедствующим католикам (что могло считаться “женскими занятиями”) она претендовала и на роль миссионера и полемиста – мужские роли, при том что все это происходило в чужой стране. Однако для того, чтобы понять, насколько уникальными были ее поступки, насколько важны они были для английской католической общины и насколько приемлемыми или неприемлемыми они могли видаться ее окружению, необходимо, во-первых, обратиться к “испанскому” периоду жизни Луисы (ведь именно тогда сформировались принципы и приоритеты ее религиозной жизни) и, во-вторых, подробно проанализировать как саму ее деятельность в Англии, так и степень поддержки и одобрения/неодобрения, с которыми она сталкивалась.

Луиса де Карвахаль-и-Мендоса родилась в городке Харайсехо (провинция Эстремадура) 2 января 1566 г. и была единственной дочерью в семье из шести детей. По рождению Луиса принадлежала к аристократии, а родственные узы связывали ее со многими представителями светской и духовной элиты Испании. Дед Луисы по отцу Гуттиере Варгас де Карвахаль (1506–1559) был вторым сыном Франсиско де Варгаса, главы Совета Кастилии, и его супруги Инес де Карвахаль, принадлежавшей к богатой мадридской семье. Юноша последовал по стопам дяди, кардинала Хуана де Карвахала (1400–1469), блестяще образованного богослова и папского дипломата. Как и дядя, Гуттиере Варгас де Карвахаль стал епископом Пласенсии. Однако юность будущего епископа, а поначалу каноника Пласенсии, была бурной. Молодой клирик вступил в связь с сестрой другого каноника-аристократа, Марией де Мендоса. Плодом этой любовной связи и стал отец Луисы. Позднее епископ изменил свой образ жизни и стал одним

из “столпов” церковной реформы в Испании. Он был одним из членов испанской делегации на Тридентском соборе в 50-х годах XVI в., и к этому периоду относится его знакомство с иезуитами Диего Лайнесом и Франсиско де Борха, сыгравшее большую роль в жизни его самого и его семьи. Вернувшись в Испанию, епископ пригласил иезуитов в свой диоцез и способствовал основанию их коллегии в Харайсехо, а также реформировал свою епархию в соответствии с требованиями Тридентского собора⁴.

Отец Луисы, Франсиско де Карвахаль (1523–1572), заботами отца получил хорошее образование. В 1546 г. королевским указом он получил статус законнорожденного, а в 1559 г., незадолго до своей смерти, епископ официально признал его своим сыном. Благодаря этому Франсиско де Карвахаль стал одним из богатейших женихов страны и оказался в состоянии претендовать на руку весьма знатной девушки. Мать Луисы, Мария де Мендоса-и-Чакон, принадлежала к высшему кругу испанской аристократии. Ее отцом был Хуан Уртадо де Мендоса, граф Монтеагудо и сеньор де Альмасан, а матерью – Луиса де Чакон и Фахардо⁵.

В семье помимо Луисы было еще пятеро сыновей, из которых лишь один Альфонсо достиг совершеннолетия. Около 1570 г. семья сеньора де Карвахаль перебралась в Леон, и там в шестилетнем возрасте (1572 г.) Луиса осиротела, когда родители разом умерли от лихорадки. На протяжении последующих четырех лет воспитанием девочки занималась сестра ее бабки по материнской линии Мария де Чакон-и-Гевара, что еще больше приблизило Луису к центру политической власти в Испании. Муж Марии де Чакон, Фернандо де Сандоваль и Рохас, был членом Королевского совета, а их сын Бернардо де Сандоваль-и-Рохас (1546–1618), впоследствии оказывавший покровительство Луисе де Карвахаль, стал великим инквизитором Испании и ее примасом – кардиналом-епископом Толедским. Сама Мария Чакон также была дамой влиятельной: она входила в состав свиты королевы Анны Австрийской, жены Филиппа II, а с 1570 г. стала гувернанткой королевских детей⁶. Луиса жила в королевском монастыре босоногих кармелиток в Мадриде, основанном Филиппом II для своей сестры Хуаны⁷, а подругами ее игр были дочери короля Филиппа II инфанты Изабелла (Исабель) и Екатерина (Каталина)⁸. Этот период жизни способствовал формированию связей, которые впоследствии помогли Луисе обрести большое политическое влияние. Однако он вскоре закончился со смертью Марии Чакон (1576 г.)⁹. Новым опекуном стал дядя девочки (брат ее матери) Франсиско Уртадо де Мендоса, маркиз де Альмасан,

бывший посол испанского короля при дворе императора Рудольфа II, вернувшийся в 1576 г. в Мадрид¹⁰. Семья маркиза отличалась благочестием и поддерживала тесные связи с иезуитами¹¹, что впоследствии сыграло большую роль в судьбе Луисы. Поначалу, впрочем, маркиз не занимался делами своей подопечной: в 1576–1579 гг. он был членом Королевского совета, и государственные дела удерживали его в Мадриде. Луиса же отправилась в родовое поместье в Альмасане вместе с супругой маркиза Марией де Карденас-и-Веласко и их детьми. Стараниями маркизы Луиса получила хорошее образование (включавшее знание латыни) и воспитание.

Отличалась она и благочестием, которое привлекло внимание маркиза де Альмасан, после того как он назначенный вице-королем Наварры перевез свою семью в Памплону¹². Маркиз принялся сам наставлять Луису и приучил к умерщвлению плоти. Несколько раз в неделю ее секли две служанки по распоряжению дяди; девушку при этом привязывали к столбу или заставляли преклонять колени, а иногда наступали ей ногами на грудь¹³.

Практики, связанные с умерщвлением плоти, были давно известны благочестивым христианам. Ношение власяницы и бичевание должны были способствовать борьбе с соблазнами плоти; они, кроме того, помогали разделить страдания Христа через телесные мучения, представляли собой своего рода “мученичество благочестия”. В XVI–XVII вв. такие аскетические практики были распространены не только среди духовных лиц (и прежде всего монахов и монахинь), но и среди мирян. Широко применялись они и в Испании. И именно поэтому духовные наставники, особенно иезуиты, призывали мирян к умеренности и предостерегали от превращения умерщвления плоти в саморазрушение. Считалось недопустимым также, чтобы мужчины имели отношение к подобным практикам женщин, монахинь или мирянок¹⁴.

Но даже и при распространенности такого вида аскезы в Испании то, что происходило в доме маркиза де Альмасан, выходило за пределы допустимого. Дама из свиты Луисы, ставшая ее ближайшей подругой и сподвижницей, Инес де ла Асунсьон в своих показаниях¹⁵ говорила, что истязания, которым подверглась Луиса, “превосходили все разумные пределы”¹⁶. Сам маркиз настаивал на том, чтобы Луиса скрывала регулярные бичевания от его жены и дочерей, что косвенно свидетельствовало о конфликте, вызванном крайним аскетизмом главы семьи¹⁷. Пережитый в отрочестве и юности опыт аскезы, несомненно, оказал большое

воздействие на религиозную жизнь Луисы, однако исследователи расходятся между собой в том, каким именно стало это воздействие. Автор последней биографии Луисы де Карвахаль Глин Редворт склонен считать подобные действия опасно близкими к сексуальным извращениям, в частности к вуайеризму: Луиса отправлялась к месту истязаний ночью и полуобнаженной, что заставляет ее биографа подозревать, что маркиз мог подглядывать за происходящим¹⁸. Однако углубляясь в область психологии, Редворт явно забывает, что ночные бичевания были своего рода “нормой” этого вида аскезы, ведь именно ночью плоть оказывалась наиболее слабой и подверженной самым сильным искушениям. Здесь рассказ Луисы отсылает к житиям святых, а не намекает на извращенные сексуальные вкусы ее дяди.

Полагают также, что этот детский опыт обусловил восприятие Луисой христианской жизни как страдания во имя Христа¹⁹ и ее поиска мученической кончины, который в конце концов и привел ее в Англию²⁰. Если с первым выводом относительно воздействия перенесенных девушкой страданий на ее жизнь трудно не согласиться, то вывод о том, что Луиса стремилась в Англию, чтобы обрести там мученический венец, требует существенных оговорок, о которых пойдет речь ниже.

В 1588 г. семья маркиза де Альмасан вернулась в Мадрид, так как ее глава был отозван Филиппом II в столицу и назначен главой Совета орденов²¹. В 1591 г. маркиз скончался²². Богатая наследница, Луиса еще при жизни дяди отказалась от мысли о браке, решив посвятить свою жизнь монашескому служению. Она забыла о нарядах и развлечениях, вела строгую жизнь, а в мадридском доме дяди ей выделили отдельные, скромно обставленные покои на верхнем этаже, что позволило Луисе свести общение с родственниками к минимуму²³.

Но хотя Луиса и вела монашеский образ жизни, она категорически отказывалась отправиться в монастырь и принести обеты. Ее биограф Глин Редворт видит причину ее поведения в собственном ей индивидуализме и нежелании подчиняться строгому уставу, ограничивавшему жизнь членов общины, а также боязни, что монастырские стены помешают ей реализовать стремление к мученичеству²⁴. Представляется, однако, что за нежеланием Луисы стать монахиней стояло желание действовать на более широкой сцене, нежели монашеская община, а ее представление о монашеском служении никоим образом не ограничивалось идеалом созерцательной жизни. Тридентский собор ввел правило строгого затвора, распространявшееся на все женские обители. Это пра-

вило сдерживало образовательную и благотворительную деятельность монахинь в миру²⁵. Луиса не готова была смириться с такими ограничениями, поскольку избранный ею способ служения Христу подразумевал активную вовлеченность в мирские дела.

После смерти дяди Луисе, достигшей уже 25 лет, пришлось отстаивать свой выбор монашеской жизни “в миру”. Первым испытанием оказалось сопротивление родственников, видевших для девушки из рода Мендоса лишь два пути – замужество или монастырь. По крайней мере, именно так ситуация описывается биографами Луисы. Примечательно, однако, что она не просто добилась своей цели, но и получила поддержку со стороны главы семьи, показавшего, что представления испанцев о допустимых и недопустимых для женщины социальных ролях отличалось известной гибкостью. Ее кузен, молодой маркиз де Альмасан, воспользовавшись давними семейными связями с Обществом Иисуса, убедил отцов-иезуитов из мадридской коллегии, располагавшейся в небогатом квартале столицы (на улице Толедо), передать в распоряжение Луисы и небольшой группы женщин дом, примыкавший к зданию коллегии²⁶.

Женщины ежедневно ходили к мессе в церковь иезуитов. Часть времени члены общины проводили в молитвах (включая и умственную молитву, на которую отводился час в день, а также молитвы розария), читали Писание и благочестивые наставления – труды св. Бернарда и св. Бонавентуры, а также св. Августина – и ежедневно “вопрошала совесть” о совершенных грехах²⁷. Все это роднит основанную Луисой общину с *beaterios* – общинами, собиравшимися вокруг благочестивых мирянок, которые, по сути, ведя монашеский образ жизни, отказывались подчиниться правилу затвора и потому не приносили монашеские обеты²⁸. Но различий оказывается куда больше. Во-первых, в отличие от испанских *beat*, как правило, имевших репутацию визионерок, видения не играли большой роли в жизни общины Луисы де Карвахаль. Сама она, впрочем, говорила о видениях, однако делала это весьма осторожно и никогда не заходила дальше утверждения о том, что ощущала присутствие Христа в гостии во время мессы²⁹. Во-вторых, жизнь мадридской общины не ограничивалась молитвами и медитациями, в отличие от *beaterios*³⁰. Луиса и ее сестры ухаживали за больными в мадридских госпиталях, причем этот уход не сводился к приготовлению угощений для них, как это часто делали набожные испанские дамы: Луиса де Карвахаль лично застилала постели в госпитале и чистила отхожие места³¹. Пациентками там были бедные женщины, многие из

которых являлись проститутками. В конце XVI–XVII в. в католической Европе было основано немало приютов, занимавшихся “исправлением” падших женщин. Основательницей вальядолидского приюта, одного из первых в Испании, была Магдалена де Сан-Херонимо, монахиня, пользовавшаяся большим влиянием в придворных кругах. Впоследствии она, будучи чем-то вроде духовной наставницы инфанты Изабеллы, отправится в Брюссель в свите правительницы и станет одним из главных адресатов писем Луисы, составленных уже в Лондоне³². Луиса, по всей видимости, давала пациенткам и наставления в вере и поощряла их обращаться за помощью и наставлением в ее дом, что воспринималось многими родственниками как нечто неподобающее девушке из рода Мендоса. Так что, живя на улице Толедо, она даже перестала пользоваться своим полным именем, называя себя “Луисой де Карвахаль” или просто “Луиса”³³.

В отличие от беатерий община жила крайне скромно, средств не хватало, и порой Луиса с благословения своих духовников-иезуитов просила милостыню на пороге церкви св. Франциска – той самой, в которой был похоронен ее дед по отцу³⁴. Более того, Луиса де Карвахаль не гнушалась и работой – она пряла золотую нить, зарабатывая тем самым на жизнь, да еще и сама ходила на рынок и готовила – немислимое поведение для испанской аристократки! Подобный образ жизни для женщины из рода Мендосы казался неприемлемым большинству ее родных и друзей, и Луисе постоянно приходилось испытывать давление родственников и некоторых капелланов, пытавшихся заставить ее принять более традиционный монашеский образ жизни. Но он же привлек к ней и почитателей – точнее, почитательниц – членов ордена иезуитов и дам из знатных семейств, среди которых она пользовалась репутацией святой женщины. В числе почитательниц, регулярно посещавших скромный дом Луисы, были ее кузина Исабель де Мендоса, маркиза де Карасена, Альдонса де Сунига, дочь графа де Миранды (будущая настоятельница мадридского монастыря Воплощения), а также Виттория Колонна, вдовствующая герцогиня Медина де Риосоко, и две ее дочери – Анна и Феличе Энрикес де Кабрера³⁵. Приглашали ее и к королеве Марианне (супруге Филиппа III), а также к инфанте Изабелле. Позднее, в Англии, помощь этих женщин Луисе окажется неоценимой.

Сопrotивление Луисы де Карвахаль попыткам навязать ей путь затвора подпитывалось тем обстоятельством, что она была весьма состоятельной дамой: по завещанию отца, в том случае, если Луиса не становилась монахиней, ей должно было достаться

19 тыс. дукатов и значительно меньшая сумма – 2 тыс. дукатов – в качестве вступительного взноса в монастырь, если бы она избрала такой путь³⁶.

Луиса с раннего детства находилась под влиянием иезуитов и даже собиралась строить жизнь своей небольшой общины по образцу ордена иезуитов (хотя в Испании ей и не удалось реализовать свой идеал активного служения), однако это не мешало ей манипулировать своими духовниками-иезуитами. На протяжении 90-х годов XVI в. Луиса де Карвахаль принесла несколько обетов – бедности (1593 г.), подчинения своим духовным наставникам (1595 г.), стремления к большему совершенству (1598 г.)³⁷ и, наконец, обет стремления к мученичеству (1598 г.). О последнем пойдет речь ниже; первые же два, казалось бы, ставили Луису в подчиненное положение по отношению к наставникам-иезуитам. Но только на первый взгляд – женщина из семьи Мендоса без колебаний обращалась к другому наставнику, если советы предшествовавшего расходились с ее собственными пожеланиями. Так, например, в 1596 г. Хуана де Сигуэнсу, не одобрявшего ее образ жизни и пытавшегося убедить ее принять монашеский обет в ордене, соблюдавшем правило затвора, сменил Гаспар де Педроса. Последний поддерживал Луису в ее начинаниях. Он также разрешил ей частое причащение – сначала еженедельное, а потом и ежедневное³⁸. Подобная практика была редкостью для мирян; поневоле возникает впечатление, что Луиса пыталась уподобиться клирикам.

А обет бедности и вовсе “превратил” иезуитов в сторонников Луисы. Отказавшись от всех мирских благ, она обещала передать ордену все свое имущество – после того как она его унаследует. Получение наследства было сопряжено с трудностями: Альфонсо де Карвахаль, брат Луисы, пытался оспорить завещание, ссылаясь на то, что его сестра фактически ведет жизнь монахини, и ей, следовательно, полагалось только 2 тыс. дукатов. Тяжба растянулась на много лет, и для того, чтобы заниматься судебными делами, Луисе и ее общине пришлось вслед за испанским двором перебраться в Вальядолид (куда перенес столицу король Филипп III). Переезд, так же как и помощь лучших адвокатов, была обеспечена иезуитами, в частности Антонио де Падильей. Луиса отправилась в Вальядолид в свите его сестры Луисы де Падилья-и-Акунья, графини де Санта Гадеа³⁹. Там она разместилась в доме по соседству с английской коллегией св. Альбана, готовившей священников для Англии, и познакомилась с английскими иезуита-

ми⁴⁰. Один из них, Майкл Уолпол, стал ее духовником и первым биографом⁴¹.

Англия и английские католики имели для Луисы особое значение. Она, Мендоса по матери, по рождению принадлежала к кругу политиков, так или иначе вовлеченных в английские дела. Посол Филиппа II в Лондоне и Париже Бернардино де Мендоса был ее дальним родственником, а многие из упомянутых выше родственников и/или друзей имели отношение к выработке внешнеполитического курса Испании. Так, например, друг дяди Луисы, маркиза де Альмасана, граф де Миранда, относился к числу противников мирного договора с Испанией, в особенности договора, не гарантировавшего окончания преследования английских католиков⁴². Луиса воспринимала Англию как место, где разворачивалось апокалиптическое сражение сил добра и зла, истинной веры и ереси. Еще будучи юной девушкой, она узнала историю мученической кончины первого английского иезуита Эдмунда Кэмпiona (первого иезуита, казненного в Лондоне в 1581 г.), и это повествование произвело на нее огромное впечатление⁴³. В глазах Луисы Англия была землей мучеников за веру, уподоблявшихся первым христианам⁴⁴.

Биографы Луисы расходятся между собой в том, почему Луиса оказалась в Англии. Анна Крус считает ее объектом манипуляций англичан-иезуитов, выманивших у богатой наследницы ее деньги, а затем отправивших ее в Англию, чтобы от нее избавиться. Она полагает, что автобиографическое сочинение, написанное Луисой в целях объяснения своего стремления к мученичеству (причины отъезда в Англию), было на самом деле составлено уже в Лондоне, чтобы оправдать уже предпринятые ею шаги⁴⁵. Глин Редворт не склонен считать Луису жертвой махинаций и не согласен с вышеприведенной датировкой, относя рукопись к началу XVII в. – периоду, когда Луиса ожидала разрешения на свой отъезд в Англию. Он полагает, что травматический детский опыт Луисы трансформировался в почти болезненное стремление к крайней форме страдания за Христа и умерщвления плоти, т.е. мученичеству, и объясняет ее желание отправиться в Англию именно тем, что там она рассчитывала достичь мученического венца⁴⁶.

Мне представляется, что объяснения Луисы вне зависимости от того, были ли они даны заранее или же *post factum*, не стоит воспринимать буквально. Скорее, они были призваны представить ее поступки в приемлемом для ее покровителей виде. Она, несомненно, почитала английских католических священников и иезуитов и вполне могла воспринимать их как “живых святых”;

именно так к ним относились многие католики на родине – ведь миссионеры были готовы умереть за веру в любой момент, само их пребывание в Англии являлось смертным приговором⁴⁷. Однако Луиса стремилась не столько к мученическому венцу, сколько к жизни миссионера.

Созданные ею женские общины (в Мадриде и позднее в Лондоне) своим уставом копировали положения устава иезуитов. Особенно отчетливо это проявляется в уставе лондонской общины, основанной Луисой в 1606 г. Члены лондонской общины, в самом названии которой: “Общество царственной Девы Марии” – присутствует параллель Обществу Иисуса, практиковали умственную молитву и ежедневное вопрошание совести, что явно указывает на влияние ордена иезуитов. Более того, в лондонском уставе Луиса добавила к трем обетам (апостольской бедности, подчинения и целомудрия) и обет абсолютного подчинения папе, а жизнь женщин не была только созерцательной⁴⁸ (подробнее см. ниже). В поступках Луисы усматривается отчетливое стремление стать настоящим проповедником-миссионером, подобно отцам-иезуитам.

В Испании Луисе удалось лишь отчасти реализовать свой идеал религиозной жизни, при этом ее постоянно убеждали либо вернуться домой, либо стать монахиней. Она отдавала себе отчет и в том, что после получения наследства и, соответственно, передачи состояния отцам-иезуитам у нее исчезнет главное орудие, при помощи которого она могла отстаивать свою независимость.

Переезд в Англию мог стать для нее освобождением. Еще живя в Вальядолиде, Луиса установила первые контакты с англичанками. В июле 1602 г. ее община предложила гостеприимство пятерым англичанкам, направлявшимся из Сент-Омера в Лиссабон, чтобы принять постриг в бригеттинской обители. Не ограничившись этим, Луиса искала англичанкам покровительниц среди испанских дам, пользуясь своими родственными и дружескими связями. Они даже были приняты королевой Марианой, супругой Филиппа III⁴⁹. Из этих контактов с англичанками Луиса вполне могла составить себе представление о том, что в Англии женщины-католички пользовались большей свободой в религиозных делах. Ведь строгий контроль духовенства вряд ли был возможен в ситуации, когда относительно немногочисленные католические священники полностью зависели от своих патронов-мирян – в том, что касалось финансовой поддержки и даже просто выживания⁵⁰.

Луиса в своей переписке и небольшом сочинении, объяснявшем решение уехать в Англию, говорила о желании муче-

ничества. Но она вряд ли могла бы заявить о своем стремлении стать миссионером-иезуитом. Эта роль отводилась мужчинам, и она это прекрасно осознавала. Мученичество же было открыто и для мужчины, и для женщины, поскольку сила выносить жесточайшие муки определялась божественной благодатью, трансформировавшей человека и преодолевавшей ограничения пола. В качестве мученицы Луиса могла “стать мужчиной”, а в качестве миссионера – нет.

Такой вывод кажется парадоксальным лишь на первый взгляд. Исследователи уже давно отметили, что католики второй половины XVI–XVII в. представляли своих святых как героев, а их благочестивые подвиги описывали в понятиях “героической добродетели”. Однако героические образы были в силу своего происхождения мужскими. Применение их к описанию – и осмыслению – женского благочестия и “героической добродетели” порождало проявление в жизнеописаниях благочестивых дам, и в особенности мучениц, отчетливых мужских черт. Мученичество описывалось не в гендерно-нейтральных понятиях, ведь оно подразумевало стойкость и относилось к сфере мужского поведения. Неслучайно в рассматриваемый период авторы часто подчеркивали, что мученики вели себя, как мужчины. Такие ремарки можно встретить и у католика Томаса Уортингтона в “Сообщении о шестнадцати мучениках” (*A Relation of Sixteen Martyrs, Douai, 1601*), в рассказе о казни Джона Ригби, который вел себя “по-мужски” [*manfully*], и у протестанта Джона Фокса в повествовании о казни Николаса Ридли и Хью Лэтимера, к которым был обращен призыв “быть мужчиной” (*play the man*)⁵¹.

Тем не менее мученичество предполагало пассивное принятие страданий. Активная деятельность в сфере религии считалась, по крайней мере в теории, прерогативой мужчин, и женщины, нарушавшие эту границу, избегали искушения писать об этом прямо. Самым ярким и наиболее известным примером подобной осторожности являются сочинения св. Тересы Авильской⁵². Луиса де Карвахаль следовала этому примеру, представляя аудитории приемлемый “мужской образ”⁵³, хотя ее намерения явно были другими.

Очевидно, что незамужняя испанка-аристократка из семьи Мендоса вряд ли могла отправиться в Англию без разрешения короля и его советников. Такое разрешение и в самом деле было получено в конце 1604 г. Но поддержку Луисе де Карвахаль оказали отнюдь не родственники: они не одобряли ее планов⁵⁴. Помощь Луисе оказали иезуиты, прежде всего англичане братья Уолполы.

Что стояло за их решением поддержать неслыханную и дерзкую авантюру?

Можно предположить, что Луиса просто “купила” их поддержку, передав английским иезуитам свои деньги (12 тыс. дукатов, остальное было выделено брату). Однако в принципе ничто не могло помешать иезуитам, взяв деньги, убедить ее остаться в Испании, в монастыре. Другой вариант ответа предложен биографом Луисы Глином Редвортом. По его мнению, английским иезуитам, критически относившимся к политике примирения Испании с Англией в начале XVII в., на руку было бы мученичество или на худой конец преследование знатной испанки в Лондоне. С другой стороны, знатная и влиятельная дама-патронесса могла повысить престиж ордена в Англии в пору серьезного внутреннего конфликта в среде английского католического духовенства⁵⁵.

Предположение о мученичестве не выдерживает критики. И английские иезуиты, и сама Луиса прекрасно понимали то, что в 1607 г. высказал вслух Хуан де Сан-Агостин, капеллан испанского посла в Лондоне Педро де Суниги, по настоянию последнего: ни о каком преследовании женщины из рода Мендоса в Англии не может быть и речи, а самое худшее, что могло ее ожидать – высылка домой, в Испанию⁵⁶.

Мне представляется, что можно предложить другое объяснение. Луисе де Карвахаль помогли попасть в Лондон потому, что она была нужна там. Майкл Уолпол впоследствии объяснял, что своим присутствием в Лондоне Луиса демонстрировала английским католикам пример святой жизни, давала им совет и наставления в благочестии, а также утешала страждущих⁵⁷. Это изящное объяснение выглядит уклончивым: все приведенное могли делать (и успешно делали) католички-англичанки. Чтобы понять, зачем английским миссионерам была нужна именно Луиса, необходимо понять, чем же она, собственно, занималась в Лондоне и в чем заключается отличие ее действий от того, что делали для своей общины миряне-католики.

Приехав в Лондон в 1605 г., Луиса не знала ни слова по-английски, и первый год своего пребывания в Англии она потратила на изучение языка. Незнание языка существенно ограничивало ее возможную миссионерскую деятельность. Другим серьезным препятствием стал политический кризис, вызванный Пороховым заговором (ноябрь 1605 г.). Луиса де Карвахаль была переправлена в Англию иезуитами и с самого начала планировала жить в английской среде. Но глава иезуитов в Англии Генри Гарнет был вовлечен в заговор⁵⁸, раскрытие которого повлекло за

собой преследование его самого и ближайшего окружения, включая патронесс Энн Вокс и Элинор Бруксби. Луиса, по всей видимости, сначала жила у них, но затем, после начавшихся арестов, ей пришлось отправиться в испанское посольство (в резиденцию посла Педро де Суниги), где она прожила до 1607 г.⁵⁹

Когда волна гонений несколько спала, Луиса арендовала дом по соседству с посольством, в Барбикане. В нем разместилась она сама, еще шесть женщин-англичанок – члены ее общины⁶⁰. Выше уже шла речь об ее уставе. Здесь же необходимо отметить те аспекты деятельности общины, которые требовали активного взаимодействия с миром. У английских католиков возможность жить монашеской жизнью или возможность просто удалиться в монастырь на время фактически отсутствовала, для этого нужно было покинуть страну⁶¹. Луиса же предоставляла женщинам такой шанс. Кроме того, она помогала тем, кто окончательно выбирал монашескую жизнь, перебраться из Англии в Испанские Нидерланды или в саму Испанию и найти покровителей, готовых обеспечить их пристанищем на время, требовавшееся для подготовки к принесению обетов. Так, Луиса помогла отправиться в Испанию дочери Эдварда Гейджа и сестре своего исповедника Маргарет Уолпол, а также Джойс и Джудит Смит⁶². Тут не последнюю роль играли связи Луисы среди дам-аристократок Испании. Графиня де Каstellар и графиня де Миранда, Ана Мария де Вергара (богатая вдова из Витории) и титулованные особы оказывали покровительство англичанкам, а также предоставляли и финансовую помощь Луисе в других видах ее деятельности⁶³.

Луиса оказывала поддержку католическим священникам. Ее резиденции на северных окраинах Лондона (в Барбикане, Хайгейте и Спитлфилдсе) служили пристанищем миссионеров. Духовник Луисы Майкл Уолпол жил там постоянно (хотя периодически отправлялся в поездки по стране), другие пользовались ими как перевалочной базой⁶⁴. Подобные приюты для священников создавали многие дворяне-католики. Так, некоторые резиденции виконтов Монтегю и членов их свиты, те, в которых хозяева бывали реже, порой превращались в настоящие убежища для священников, передвигавшихся по стране, своего рода безопасные укрытия. Таким убежищем стал в начале XVII в. Монтегю Хаус, предоставленный вдове первого виконта в пожизненное владение. Ее биограф Ричард Смит сообщал: “Она имела два прекрасных дома, один из которых стоял на южном берегу Темзы у Лондонского моста. Там, как только в царствование королевы Елизаветы начались преследования, она устроила приют для священников,

прибывающих в Англию и уезжающих оттуда, а также убежище для тех, кто жил в Лондоне; там постоянно находился один священник, совершавший таинства для тех католиков, которые туда стекались”⁶⁵.

Другим укрытием служила лондонская резиденция внука и правнука леди Магдален на Друри-лейн в конце 1620-х–1630-е годы XVII в.⁶⁶, а также дом джентльмена из свиты первого виконта, Джона Шелли, в Мейплдарэме (на границе Оксфордшира и Беркшира). Там последний предоставлял кров целой “коллегии священников”⁶⁷. Таким образом, Луиса здесь следовала освященной временем местной традиции.

Луиса помогала и арестованным священникам. Хотя после заключения мира с Испанией в 1604 г. священников выпустили из английских тюрем, после 1606 г. в них появились новые арестанты – священники, отказывавшиеся принести введенную после Порохового заговора присягу на верность королю, поскольку ряд ее положений мог быть прочитан как признание некоторых пап в прошлом еретиками⁶⁸.

Арестованным священникам нужны были средства, чтобы обеспечить себе сносные условия проживания – просторную комнату, приличное питание, возможность принимать посетителей. Английские тюрьмы того времени представляли собой феодальные держания, жаловавшиеся комендантам в ответ на их обязательство выдать королеве или другому представителю власти, светской или духовной, заключенного по их требованию. Содержание заключенных в тюрьме было средством извлечения дохода, поэтому за соответствующую плату тюрьму можно было превратить фактически в место, где католики встречали священников, присутствовали на мессе и причащались, получали наставления⁶⁹. Деятельность Луисы обеспечивала им такую возможность. Испанское серебро покупало еду и одежду, а также возможность организации встреч католиков и даже проповедей⁷⁰.

Луиса находилась рядом со священниками в самый трудный момент, когда они ожидали казни, поддерживая в них стойкость духа и напоминая, чего, собственно, ждет от них паства: мужественного принятия мученического конца. Перед казнью Джона Друри (1607 г.) она собрала в его камере католиков, которые вместе прослушали мессу, причастились, а потом разделили трапезу – явное напоминание о Тайной Вечере⁷¹. Подобным же образом Луиса повела себя и перед казнью Томаса Гарнета (1608 г.), первого мученика, вышедшего из стен иезуитской коллегии в Лувене, основанной на ее деньги, а также перед казнью Джона Робертса (1610 г.)⁷².

Луиса обеспечивала своих собратьев-католиков и мощами новых мучеников. Ведь в годы Реформации мощи святых были либо утрачены, либо спрятаны и вывезены из страны. Мощи новых мучеников отчасти восполняли эту утрату. Чтобы воспрепятствовать католикам в доступе к телам казненных священников, их, как правило, хоронили в общих могилах, глубоко под телами преступников. Но Луиса нанимала людей, которые ночами после казни откапывали тела и увозили их. Иногда ей удавалось подкупить палача (как это произошло в случае с телом Джона Робертса), и задача существенно упрощалась.

В своих посланиях Луиса описывала подобные экспедиции. Так, 30 мая 1612 г. собранная ею группа друзей и слуг (в основном из испанского посольства) извлекла из общей могилы тела священников Уильяма Скота и Ричарда Ньюпорта. Операция была рискованной хотя бы потому, что в это время года темнело поздно и рано рассветало, так что у заговорщиков оставалось всего несколько часов на то, чтобы выполнить работу. Выкопанные тела священников были завернуты в предоставленные Луисой льняные простыни и привезены в условленное место в седельных мешках (тела были расчленены при казни), а оттуда в карете – в ее дом. Там их встречала процессия клириков и мирян, мужчин и женщин, торжественно доставивших тела в капеллу и укрывших их дорогими покрывалами и цветами. Впоследствии тела казненных бальзамировались (в течение нескольких месяцев), а затем по частям вывозились из Англии на континент, как правило, при помощи сотрудников испанского посольства⁷³.

Луиса де Карвахаль была самой известной, но отнюдь не единственной “охотницей за реликвиями”. В том же 1612 г., в декабре отряд джентльменов и слуг, посланный виконтом Монтегю в Тайберн, чтобы доставить тело священника Джона Олмонда, столкнулся с другой группой католиков, посланных Луисой, и дело дошло до выстрелов. Впрочем, победоносные испанцы не склонны были жаловаться: по словам Луисы де Карвахаль, причиной инцидента стала “ярость, происходившая от слишком большого почитания мученика”⁷⁴.

Реликвиями служили и вещи казненных священников. Так, Луиса приобрела у палача кусок рубахи Томаса Гарнета, разрешила его на части и позднее посылала эти реликвии своим друзьям в Испанию⁷⁵.

В свою очередь, в Англию контрабандой ввозились книги. Луиса видела главную задачу в том, чтобы наставлять в вере нестойких католиков, в силу обстоятельств не получавших элемен-

тарного религиозного образования, а также обращать еретиков. Для этого ей нужны были книги – новые сочинения испанских богословов, проникнутые идеями и принципами пост-тридентского благочестия (частое причащение, вопрошание совести верующего). Она постоянно писала иезуитам в Испанию, настаивая на издании новых переводов для Англии, справедливо указывая, что тем, кто может читать по-испански, элементарные наставления уже не нужны⁷⁶.

Вышеперечисленные аспекты деятельности Луисы де Карвахаль в Лондоне могут, хотя и с натяжкой, считаться относящимися к “женским” задачам в сфере религии. Однако ее настойчивое стремление проповедовать католическое учение и обращать протестантов в свою веру выходило далеко за рамки допустимого. Порой ее действия оказывались по-настоящему вызывающими. Она, например, пошла дальше миссионеров-мужчин, осмелившись публично проповедовать на улицах Лондона. Рассказ об этом самой Луисы заслуживает того, чтобы привести его полностью. В июне 1608 г. она отправилась за покупками в сопровождении одной из англичанок из своей небольшой общины. Дальнейшие события описаны в ее послании главе английских иезуитов в Испании Джозефу Кресуэллу (письмо от 24 июня 1608 г.):

«... однажды, когда я пришла в лавку на Чипсайде и, как обычно, встала снаружи, у двери, мне случилось спросить молодого помощника, не католик ли он. Он ответил: “Нет, Боже сохрани!” А я на это сказала: “Да не попустит Господь, чтобы ты им не был, вот в чем дело”. Тогда к нам подошли хозяин и хозяйка лавки, еще один юноша и соседи-купцы, и последовал долгий разговор о религии. Они задали много вопросов о мессе, о священниках, об исповеди, но дольше всего (больше двух часов) мы говорили о том, является ли Римская церковь единственно истинной, является ли папа главой церкви и в самом ли деле ключи св. Петра были вверены им навсегда.

Одни слушали с удовольствием, другие – в ярости, настолько, что я почувствовала опасность, по крайней мере, ареста. Но я пренебрегла ею, ухватившись за возможность просветить их, насколько я могла. Ведь в простых вопросах веры существуют известные способы убеждения, которые каждый может использовать и при помощи которых можно вести войну с заблуждением. И хотя они [слушатели] поначалу могут и не принять этого, в конце концов эти истины остаются у них в памяти; о них размышляют, они открывают путь святому вдохновению, и исполняется божественное предначертание об их спасении или осуждении. Среди них многие даже не могут узнать, где есть священники, а среди мирян-католиков не многие готовы на такой риск без гарантированной выгоды. Торговцы Чипсайда превосходят остальных горожан в злобе, заблуж-

дении и ненависти к папе, а также по числу жителей и богатству. Это следует из того факта, что, когда я несколько раз говорила с другими о том же самом, они всегда принимали мои речи благосклонно.

Хозяйка лавки старалась разжечь гнев во всех присутствовавших, как и другой юноша, исчадь ада, юный годами, но исполненный злобы. Женщина произнесла: какой позор, что они позволяют мне говорить и что я, несомненно, римский священник, переодетый женщиной, чтобы лучше убеждать людей перейти в мою религию. Господь позволил мне в тот день говорить по-английски лучше, чем когда-либо с моего приезда в Англию. Они думали, что я шотландка, судя по тому, как я говорю, и потому что я выказывала любовь к королю. Один из стариков подошел ко мне и спросил, разве не мудр был Яков, не позволив всему королевству пребывать в заблуждении. Я ответила, что это деяние не короля, который еще младенцем лишился своей святой матери-католички и оказался во власти пуритан, но что теперь у них правитель истинный и законный по сравнению с королевой Елизаветой. Мы обсудили это в нескольких словах и вновь вернулись к вопросам об истинной религии»⁷⁷.

Вызывающее поведение Луисы вызвало не слишком резкую реакцию властей. Она была арестована, но отпущена уже на следующее утро: мировой судья сэр Томас Беннет проинформировал о произошедшем лично лорда-канцлера сэра Роберта Сесила. Тот не пожелал портить отношений с Испанией, удерживая под арестом представительницу семьи Мендоса.

Внимание привлекает целый ряд аспектов данного эпизода. Во-первых, речь идет не только о публичной проповеди или рассказе о положениях католического вероучения, но о диспуте. Слушатели Луисы (или, по крайней мере, их часть) не оставались пассивными, они задавали вопросы и явно высказывали свое несогласие с ее словами; их доводы приходилось парировать. Защищать веру при помощи слова, произнесенного или написанного, было уделом мужчин, причем не всех, а тех, кто имел богословское образование. Диспутами о вере прославились в эпоху религиозных конфликтов иезуиты⁷⁸. Луиса, несомненно, знала о том, как почитавшийся ею как святой иезуит Эдмунд Кэмпийон участвовал в дебатах о вере с протестантскими проповедниками в Тауэре после своего ареста в 1581 г.⁷⁹

Стоит отметить, что и адресовано послание Луисы было именно иезуиту – отцу Кресуэллу. И не без причины, вероятно, любой другой адресат в Испании счел бы ее действия дерзким выходом за рамки приемлемого женского поведения. Сама Луиса также знала, что уподобляется мужчине: она отметила слова женщины-протестантки, которая сочла ее переодетым мужчиной-

священником. Однако в Англии начала XVII в. подобная ситуация все же могла иметь место. Согласно закону, арестованных за отказ присутствовать на протестантских церковных службах католиков-мирян, и мужчин, и женщин, могли обязать участвовать в дебатах о вере с проповедниками-протестантами. Порой женщины отказывались от участия в них, ссылаясь на невежество, а иногда и принимали вызов. Так, леди Урсула Бабторп полемизировала с проповедниками-пуританами⁸⁰. А поскольку женщин могли заставить отстаивать свою веру словом, мужчины-католики, как миряне, так и миссионеры, стремились снабдить их аргументами. Об этом свидетельствует стремление обучать девочек-дворянок латыни, ведь именно на этом языке было составлено большинство пособий по полемическому богословию, а также и подготовка предназначенных для них катехизисов и справочников, содержащих соответствующий материал. В 1597 г. виконт Монтегю, ожидая ареста, составил катехизис для своей старшей дочери Мэри. Значительная доля текста в нем была отведена разъяснению католической позиции по всем спорным богословским вопросам и рекомендациям, как девочке следует противостоять попыткам обратить себя в протестантскую веру. А сэр Томас Трешэм, которому, как и виконту Монтегю, пришлось отстаивать свою веру в ходе диспута с протестантскими проповедниками, составил в 1604–1605 гг. своего рода “энциклопедию”, справочник по полемическому богословию, содержавший подборки цитат из Библии и отцов церкви по всем спорным вопросам. Этот справочник стал его свадебным подарком дочери Мэри (леди Браденелл)⁸¹.

Таким образом, приобретение женщинами знаний в области богословия, дававшее им возможность спорить о вере, не только не подавлялось, но, напротив, приветствовалось английским католическим сообществом. Примечательно и то, что главный оппонент Луисы в данном эпизоде – тоже женщина, хозяйка лавки. Эту деталь можно толковать как свидетельство способности женщин вести между собой богословские споры; подобное толкование не кажется слишком надуманным на фоне сообщений других источников, в частности хроник английских женских монастырей. Так, хроника конвента св. Моники (Лувен) повествует о том, как леди Элинор Джернингэм (урожденная Филпот) путем убеждения обратила в католичество образованную даму-пуританку⁸². В таких случаях в ход явно шли не рассказы о чудесах, а тексты Писания и аргументы богословов. Леди Элизабет Клиффорд (Таймелби) “предалась чтению Писания, чтобы иметь возможность убедительнее опровергать доводы противоположной стороны. Ведь об-

наруживая заблуждения еретиков как в отношении благой жизни, так и в отношении их мнений, она спорила с приходскими священниками и красноречиво говорила в защиту католиков”⁸³.

Возможно и иное истолкование: упоминание женщины в качестве оппонента есть часть риторической стратегии Луисы де Карвахаль: рассказ о победе над мужчиной в диспуте мог быть воспринят негативно.

Необходимо отметить также и рассуждения Луисы о короле Якове I, демонстрирующие ее способность ориентироваться в английской политике. Намек на пуритан, которых король терпеть не мог, и подчеркивание законности его прав на престол показывают, что Луиса явно желала оградить себя и своих спутниц от обвинения в измене. Это особенно важно в контексте уже развернувшейся в то время полемики относительно власти государей и права папы смещать еретиков с престола. Говоря о своем признании прав Якова I на английский престол, Луиса дистанцировалась от тех католических авторов, которые обосновывали ограничение власти монархов. Подобная осторожность указывает на нежелание иметь слишком серьезные неприятности – такие, что грозили бы смертью, а отнюдь не на стремление к мученичеству⁸⁴.

И наконец, приведенный отрывок свидетельствует о том, что Луиса пыталась проповедовать католическое учение и обращать протестантов не однажды (вспомним ее слова о других, более восприимчивых слушателях!). Подтверждения такому выводу находятся в других документах. В письмах Луисы и собранных после ее смерти свидетельствах современников говорится как минимум о нескольких обращениях протестантов, как женщин, так и мужчин, в том числе слуги и даже одного проповедника-протестанта, который впоследствии покинул Англию и стал бенедиктинцем⁸⁵. Все эти рассказы не кажутся ни невероятными, ни даже необычными, если соотнести их с другими историями об обращениях, совершенных католичками-англичанками примерно в это же время. Об обращениях среди слуг и домочадцев упоминают биографы (капелланы-иезуиты!) Энн Ховард (Дейкр), графини Эрендел и Дороти Лаусон⁸⁶.

Правда, Луиса отчетливо осознавала, что в данном случае вторгается на запретную территорию – теоретически обращение было уделом священников, поэтому обычно упоминала свою помощь при обращении⁸⁷. Об этом же говорил и автор первой печатной биографии Луисы францисканец Луис Муньос. Пересказывая приведенный выше эпизод, он почувствовал необходимость защитить свою “героиню” от обвинений в не приличествующем

женщине поведении и объяснял, что ее деятельность сводилась к вполне допустимой для женщин помощи наставникам. Он оговаривал также и особые ситуации, когда, как в современной ему Англии, католические священники не могут проповедовать публично; тогда на помощь им могут прийти “святые женщины” (*mugeres santas*)⁸⁸.

Проповедовала она и в тюрьмах во время своего первого (1608 г.) и второго (1613 г.) арестов. По ее собственным словам, “находясь в тюрьме, я говорила о религии больше, чем вне ее, с тюремщиками и чиновниками, друзьями, которых, с моего позволения, они приводили говорить со мной. И они хорошо слушали. А я не желала упустить шанс, вспоминая слова святого апостола, сказавшего, что слово Господа не связано”⁸⁹.

Активная деятельность Луисы обращала на себя пристальное внимание английских властей, но статус знатной иностранки и невидимое, но вполне осязаемое покровительство испанской короны, позволяли ей оставаться безнаказанной до 1613 г. Тогда против нее объединились два фактора: во-первых, новый архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот был решительно настроен на борьбу с католическим неконформизмом⁹⁰. Во-вторых, именно в это время публикация трактата испанского иезуита Франсиско Суареса, обосновывавшего право римского понтифика при определенных условиях смещать монархов с престола (и тем самым полемизировавшего с сочинением самого короля)⁹¹, вызвала гнев Якова I, обращенный против испанцев, католиков и покровителей иезуитов. В результате Луиса и ее спутницы были арестованы. Ее арест спровоцировал дипломатический кризис, так как в дело немедленно вмешался испанский посол Гондомар⁹², потребовавший ее освобождения. Супруги послов Испании и Нидерландов – Констанса де Акунья-и-Лампре (жена графа Гондомара) и Ана Мария де Камудио (дама свиты инфанты Изабеллы и жена ее посла в Лондоне Фердинанда де Буашота⁹³) – провели все три дня, что Луиса находилась под арестом, вместе с ней в тюрьме, выполняя роль дуэний при испанской грандессе. Гондомар, который сам порой был не в восторге от присутствия Луисы в Лондоне, отказался принять требование Тайного совета и немедленно отправить Луису в Испанию, заявив, что тогда покинет страну вместе с ней. В результате она была освобождена под ответственность посла и помещена под его надзор⁹⁴. Карета жены Гондомара доньи Констансы в сопровождении карет всех католических послов, а также английских католиков проехала, по словам присутствовавшего там капеллана испанского посольства Диего де Ла Фуэнте,

“перед воротами королевского дворца и по всем главным и многолюдным улицам Лондона”, превратив тем самым освобождение Луисы в триумф⁹⁵. Он, впрочем, оказался недолгим, так как в начале января 1614 г. она умерла от болезни сердца (приступ был, вероятно, спровоцирован стрессом от ареста).

Луиса де Карвахаль во многих отношениях экстраординарна – как поэтесса и автор духовных наставлений и автобиографии и как религиозный лидер. Однако многие аспекты ее деятельности в Лондоне находят параллели в деятельности других женщин, которые помогали священникам (предоставляли им убежище, финансировали деятельность миссии и обеспечивали передвижение по стране), наставляли детей и домочадцев (мужчин и женщин) в вере и обращали в нее протестантов. Такая деятельность выходила далеко за рамки подчинения мужчинам-клирикам, предписанного Тридентским идеалом. Однако в условиях преследований, когда священники зачастую оказывались недоступными, а мужчина-глава семьи склонялся к конформизму, чтобы сохранить статус и имущество семьи, зачастую именно женщины обеспечивали выживание католиков как конфессиональной группы, а также и способствовали распространению в Англии идеалов пост-тридентского благочестия⁹⁶. Ведь хотя в теории на женщин также распространялись карательные законы, на практике они были в большей степени защищены от преследований. Казни женщин не были популярны у толпы. Более того, карая женщину, власти расписывались в собственном бессилии, неспособности сохранить “правильный” общественный порядок: нарушая закон или вовсе отвергая его справедливость, она бросала вызов патриархальной власти мужа и государя. Поэтому из 35 мирян, казненных в годы правления Елизаветы I (в 1577–1603 гг.), женщин было всего три, а при Якове I не казнили ни одной католички⁹⁷.

Вряд ли стоит удивляться тому, что женская активность в области религии не только не встречала большого сопротивления духовенства, но, напротив, поощрялась и даже предписывалась в качестве модели, что явствует из биографий женщин-католичек XVII в. в Англии (виконтессы Монтегю и графини Эрендел, а также Дороти Лаусон и Элизабет Кэри)⁹⁸, а также фиксировалось в женских монастырских хрониках⁹⁹ и других документах.

В Англии Луиса, во многом следуя примеру англичанок-католичек, наконец добилась того, к чему стремилась всю жизнь: активного религиозного служения в миру. При этом сфере публичного принадлежали не только проповедь в сердце Лондона, но и все остальные ее действия (организация монастыря, убежища

для священников и поиска мощей мучеников, наставления в вере), которые хотя и совершались в стенах ее дома, имели значение для всего католического сообщества. Ведь в Англии XVI – начала XVII в. частное пространство – дома католиков – трансформировалось, приобретая функции пространства публичного. Теперь католические дома стали заместителями приходов: сюда благодаря усилиям хозяев, а чаще хозяйек, приходили священники и миряне-католики, здесь протекала литургическая жизнь сообщества. Таким образом, женщины, распорядившиеся этими домами, и приобретали своеобразные публичные функции распорядительниц в рамках католического сообщества (наряду с мужчинами, а зачастую и вместо них).

Однако все вышеперечисленные функции могли с успехом выполнять англичанки, а особенность Луисы де Карвахаль, которая и обеспечила ей поддержку английских иезуитов, заключалась в ее уникальном статусе посредницы между английскими католиками и их единоверцами на континенте в Испании и Нидерландах. Среди друзей и родственников знатной испанки были влиятельные лица в Мадриде и Брюсселе, поэтому ее посредничество имело большое значение как для английских католиков в целом, так и иезуитов в частности. Друзья Луисы помогали финансировать деятельность католической миссии в Англии и оказывали покровительство эмигрантам, в особенности женщинам, находившимся в более уязвимом положении.

Кроме того, Луиса представляла интересы английских католиков за пределами Англии. В Испании ее, жительницу Лондона, обладавшую прекрасными связями и репутацией святой (что заставляло прислушиваться к ее словам), воспринимали как своего рода “эксперта” по английским делам, что позволяло ей озвучивать определенную политическую позицию, формировавшуюся не без влияния английских иезуитов. Это лоббирование жесткой политики Испании в отношении Англии, давление на правительство Якова I с целью добиться от него уступок английским католикам.

Принадлежность к женскому полу в данном случае вовсе не означала отсутствия политического влияния, хотя и требовала других форм его проявления. Послания Луисы, имевшие вид частных писем, по сути также относились к публичной сфере. Из 178 известных посланий¹⁰⁰ самая большая группа (47 писем) была адресована женщине, Магдалене де Сан-Херонимо, однако назвать ее частным лицом можно лишь с натяжкой. Она была духовной наставницей и влиятельным политиком при брюссель-

ском дворе, а также посредницей Луисы при общении с правительницей Нидерландов инфантой Изабеллой. Вторая по значимости группа писем (27) была адресована мужу кузины Луисы Инес Варгас де Карвахаль Родриго де Кальдерону, графу де Ла Олива, правой руке фактического правителя Испании, герцога Лермы. Последнему адресовано одно из посланий Луисы. Среди других ее адресатов – глава английских иезуитов в Испании Джозеф Кресуэлл, влиятельные проповедники (иезуиты и не только) Эстебан де Охеда, Эрнандо де Эспиноса, Лоренсо де Понте, маркиз де Карасена (вице-король Валенсии) и его супруга Леонор де Кирос (посредница графини де Миранда, супруги председателя Совета Кастилии и члена Королевского совета), Мариана де Сан-Хосе (настоятельница конвента августинок в Мадриде, имевшая большое влияние на королеву Маргариту Австрийскую). И письма не оставались без последствий: как вскоре выяснили испанские послы в Лондоне, им было выгоднее сотрудничать с Луисой, а не ссориться с ней. Не понравившегося ей посла Антонио де Веласко-и-Салинаса отозвали в 1613 г., заменив графом Гондомаром¹⁰¹.

Таким образом, пойдя навстречу желанию Луисы отправиться в Англию, отцы-иезуиты приобрели влиятельную посредницу, способную донести их точку зрения на политическую ситуацию до самых влиятельных людей в Мадриде. Именно в этом – а не в активном служении своей общине – и состоит ее уникальность. Однако *представление* Луисы де Карвахаль в качестве влиятельного игрока на политической сцене вступало в противоречие с гендерными стереотипами эпохи. И сама Луиса, и ее наставники-иезуиты предпринимали немало усилий, чтобы изобразить ее деятельность в приемлемых формах, подчеркивая следование советам и приказам духовников и всячески обходя молчанием политическую роль испанки. Что же касается ее активного служения общине английских католиков, то оно (особенно те его аспекты, что явно выходили за рамки приемлемого женского поведения) описывалось как проявление ее святости, заведомо нарушающее обычный порядок вещей. Такой подход задает ракурс, в котором исследователи видели деятельность Луисы необычной и уникальной и не замечали, в какой степени они были нормальными для английского католического сообщества и поощрялись в его рамках.

- ¹ См., например: *The Crannied Wall: Women, Religion and the Arts in Early Modern Europe* / Ed. by C. Monson. Ann Arbor, 1992. О женщинах-католичках в религиозной полемике см.: *Dolan F.E. Whores of Babylon: Catholicism, Gender and the Seventeenth-Century Print Culture*. Notre Dame (In), 2005; *Серегина А.Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI–XVII вв. // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. М., 2008. Вып. 15. С. 53–99.
- ² *Wiesner-Hanks M.E.* *Women and Gender in Early Modern Europe*. 3rd ed. Cambridge, 2008. P. 207–251; *Leonard A.* *Nails in the Wall: Catholic Nuns in Reformation and Counter-Reformation: Public and Private Worlds* / Ed. by S. Marshall. Bloomington, 1995; *Panft P.* *Women and the Religious Life in Premodern Europe*. N.Y., 1996; *Sperling J.G.* *Convents and the Body Politic in Renaissance Venice*. Chicago, 2000; *Baernstein P.R.* *A Convent Tale: a Century of Sisterhood in Spanish Milan* (N.Y.), 2002; *Lehfeldt E.A.* *Religious Women in Golden Age Spain: the Permeable Cloister*. Alershot, 2005; *Strasser U.* *State of Virginity: Gender, Religion, and Politics in an Early Modern State*. Ann Arbor, 2004; *Laven M.* *Virgins of Venice: Broken Vows and Cloistered Lives in the Renaissance Convent*. N.Y., 2004; *Walker C.* *Gender and Politics in Early Modern Europe: English Convents in France and the Low Countries*. N.Y., 2003; *Rapley E.* *The Dévotes: Women and Church in Seventeenth-Century France*. Montreal, 1990; *Lux-Sterritt L.* *Redefining Female Religious Life: French Ursulines and English Ladies in Seventeenth-Century Catholicism*. Burlington, 2005; *Dinan S.E.* *Women and Poor Relief in Seventeenth-Century France*. Burlington, 2006; *Mazzoniz Q.* *Spirituality, Gender and the Self in Renaissance Italy: Angela Merici and the Company of St. Ursula (1474–1540)*. Wash., 2007.
- ³ Луиса де Карвахаль привлекала внимание историков литературы и гендерных историков, как одна из первых женщин-авторов, и лишь относительно недавно стала объектом исследования историков религиозной культуры. Однако это произошло лишь после того, как историк-иезуит К. Абад издал в 60-е годы XX в. ряд ее сочинений и писем, а также и ее биографию. О Луисе де Карвахаль см.: *Abad C.M.* *Una misionera española en la Inglaterra del Siglo XVII: Doña Luisa de Carvajal y Mendoza (1566–1614)*. Santander, 1966; *Cruz A.J.* *Chains of Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza's Poetics of Penance* // *Estudios sobre escritoras hispanicas en honor de Georgina Sabat-Rivers* / Ed. by L. Channon-Deutsch. Madrid, 1992; *Eadem.* *Willing Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza and Female Subjectivity* // *Power and Gender in Renaissance Spain: Eight Women of the Mendoza Family, 1450–1650* / Ed. by H. Nader. Urbana; Chicago, 2004; *Eadem.* *Luisa de Carvajal y Mendoza y su conexion jesuita* // *La mujer y su representacion en las literaturas hispanicas* / Ed. J. Villegas Morales. Irvine, 1994; *Levy-Navarro E.* *The Religious Warrior: Luisa de Carvajal y Mendoza's Correspondence with Rodrigo de Calderon* // *Women's Letters Across Europe, 1400–1700: Form and Persuasion* / Ed. by J.Couchman and A. Crabb. Aldershot, 2005. P. 263–273; *Pinillos Iglesias M.N.* *Hilando Ora: Vida de Luisa de Carvajal*. Madrid, 2001; *Rees M.A.* *The Writings of Dona Luisa de Carvajal y Mendoza, Catholic Missionary to James I's London*. Lampeter, 2003; *Eadem.* *The Gaze of God: Dona Luisa de Carvajal y Mendoza and the English Mission* // *Convivium: Celebratory Essays for Ronald Cueto* / Ed. by J. Macklin and M.A. Rees. Leeds, 1997. P. 97–114; *Rhodes E.* *Join the Jesuits, See the World: Early Modern Women in Spain and the Society of Jesus* // *The Jesuits*. Vol. II: *Cultures, Sciences and the Arts, 1540–1773* / Ed. by J. O'Malley, S.J. Toronto,

- 2006; *Eadem*. Luisa de Carvajal's Counter-Reformation Journey to Selfhood (1566–1614) // *Renaissance Quarterly*. 1998. Vol. 51. P. 887–991; *Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal. Oxford, 2008. Значительная часть наследия Луисы де Карвахаль опубликована. К. Абад издал большую часть ее писем и стихотворений, а также некоторые автобиографические наброски. См.: Luisa de Carvajal y Mendoza. Epistolario y Poesías / Ed. by C.M. Abad. Madrid, 1965; Luisa de Carvajal y Mendoza. Escritos Autobiograficos / Ed. by C.M. Abad. Barcelona, 1966. Э. Родс опубликовала еще несколько писем Луисы, а также ранее не издававшиеся автобиографические тексты и устав лондонской общины, основанной ею. См.: *This Tight Embrace: Luisa de Carvajal y Mendoza (1566–1614)* / Ed. by E. Rhodes. Milwaukee, 2000.
- ⁴ *Fernández Hoyos A.* El Obispo don Gutierre de Vargas, un madrileño del Renacimiento. Madrid, 1994.
- ⁵ *Cruz A.J.* Willing Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza and Female Subjectivity // *Power and Gender in Renaissance Spain: Eight Women of the Mendoza Family, 1450–1650* / Ed. by H. Nader. Urbana; Chicago, 2004. P. 177–194, особ. P. 177–180; См. также: *Pinillos Iglesias M.N.* Hilando Ora: Vida de Luisa de Carvajal. Madrid, 2001.
- ⁶ *Redworth G.* The She-Apostle: the Extraordinary Life and Death of Luisa de Carvajal. Oxford, 2008. P.12.
- ⁷ Инфанте Хуане, вдове португальского принца, было вверено регентство в годы отсутствия ее брата в Испании; она была также и единственной женщиной, которую приняли (тайно) в Орден иезуитов.
- ⁸ *Betegón Díez R.* Isabel Clara Eugenia, Infanta de España y soberana de Flandes. Barcelona, 2004. P. 33. Дочери Филиппа II от его третьего брака с Елизаветой Валуа. Старшая дочь Изабелла (1566–1632), ровесница Луисы, была любимицей отца. После его смерти (1598) инфанта Изабелла вместе со своим супругом эрцгерцогом Альбрехтом Австрийским правила Испанскими Нидерландами. Покровительством Изабеллы пользовались многие англичане-эмигранты.
- Arblaster P.* The Infanta and the English Benedictine Nuns: Mary Percy's Memories in 1634 // *Recusant History*. 1997. Vol. 23. P. 508–527; *Idem.* The Archdukes and the Northern Counter-Reformation // *Albert and Isabella, 1598–1621: Essays* / Ed. by W. Thomas and L. Duerloo. Turnhout, 1998. P. 87–92.
- ⁹ *Redworth G.* The She-Apostle. P. 15–16.
- ¹⁰ *Abad C.M.* Un embajador español en la corte del Maximilian II Don Francisco Hurtado de Mendoza, 1570–1576 // *Miscelanea Comillas*. 1965. T. 43. P. 23–94.
- ¹¹ *Abad C.M.* Una misionera española en la Inglaterra del Siglo XVII: Doña Luisa de Carvajal y Mendoza (1566–1614). Santander, 1966. P. 28. Дед Луисы, Хуан Уртадо де Мендоса, имел репутацию крайне благочестивого человека, едва ли не святого.
- ¹² *Redworth G.* The She-Apostle. P. 17–19.
- ¹³ *de Carvajal L.* Life Story // *This Tight Embrace: Luisa de Carvajal y Mendoza (1566–1614)* / Ed. by E. Rhodes. Milwaukee, 2000. P. 82, 84, 86.
- ¹⁴ См.: *Sánchez Ortega M.H.* La mujer y la sexualidad en el antiguo regimen. Madrid, 1991. P. 39–42; *История тела* / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Кургина, Ж. Вигарелло. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. М., 2012. С. 36–49.
- ¹⁵ Опрос свидетелей, рассказывавших о благочестии Луисы, был проведен иезуитами сразу после ее смерти. Материалы собирались для открытия процесса канонизации Луисы де Карвахаль, который, впрочем, так и не состоялся.

- ¹⁶ “heçedian a todos los limites de la razón”. Цит. по: *Redworth G. The She-Apostle. P. 240. N. 38.*
- ¹⁷ *de Carvajal L. Life Story // This Tight Embrace. P. 62, 64.*
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: *Redworth G. The She-Apostle. P. 29.*
- ¹⁹ *Cruz A.J. Chains of Desire: Luisa de Carvajal y Mendoza’s Poetics of Penance // Estudios sobre escritoras hispanicas en honor de Georgina Sabat-Rivers / Ed. by L. Charnon-Deutsch. Madrid, 1992. P. 97–112, особ. P. 105.*
- ²⁰ *Redworth G. The She-Apostle. P. 30–32.*
- ²¹ Consejo de la Ordenes. Совет управлял делами духовно-рыцарских орденов Испании (с 1495г.)
- ²² *Redworth G. The She-Apostle. P. 36–37.*
- ²³ *de Carvajal L. Escritos Autobiograficos. P. 210–213.*
- ²⁴ *Redworth G. The She-Apostle. P. 37.*
- ²⁵ Ярким примером здесь может служить орден урсулинок, возникший в Италии в начале XVI в. Они изначально посвящали себя наставлениям в христианской вере, обращенным к детям, а также заботе о больных и увечных. Но в XVII в. урсулинкам пришлось подчиниться новым правилам и свести свою деятельность к обучению девочек в школах-пансионах (что, естественно, ограничивало их аудиторию лишь девочками из состоятельных семейств). Похожая участь ждала визитадинок и других представительниц орденов и общин, видевших своей целью наставления в вере. См.: *Wiesner-Hanks M.E. Women and Gender in Early Modern Europe. 3rd edition. Cambridge, 2008. P. 224–226.*
- ²⁶ *Redworth G. The She-Apostle. P. 40.*
- ²⁷ Сведения о жизни мадридской общины Луисы де Карвахаль восходят к показаниям ее близкой подруги Инес де Асуньсьон. Здесь приводятся по: *Redworth G. The She-Apostle. P. 42–43.*
- ²⁸ Об испанских беатах и beaterios см.: *Haliczer S. Between Exhaltation and Infamy: Female Mystics in the Golden Age of Spain. Oxford, 2002. Ch. 8.*
- ²⁹ *de Carvajal L. Escritos Autobiograficos. P. 236.*
- ³⁰ *Haliczer S. Between Exaltation and Infamy. P. 260.*
- ³¹ *This Tight Embrace. P. 10.*
- ³² *Perry M.E. Magdalens and Jezebels in Counter-Reformations Spain // Culture and Control in Counter-Reformation Spain / Ed. by A.J. Cruz and M.E. Perry. Minneapolis, 1992. P. 124–144; Vollendorf L. The Lives of Women: A New History of Inquisitional Spain. Nashville, 2005. P. 182–184.*
- ³³ *Redworth G. The She-Apostle. P. 45.*
- ³⁴ *Ibid. P. 45–46.*
- ³⁵ *Ibid.* Отношения с дамами-покровительницами приближали Луису к центру политической власти Испании. Муж ее кузины Исабел, Луис де Каррильо-и-Толедо, маркиз Карасена, был вице-королем Валенсии; Альдонса де Сунига была дочерью Хуана Лопеса де Суниги, графа де Миранды и герцога де Пеньяранды, председателя Совета Кастилии (и близкого друга покойного маркиза де Альмасана). А младшая дочь герцогини Медина де Риосеко, Феличе, стала женой Франсиско Гомеса де Сандовалья-и-Рохаса, внука герцога Лермы, фаворита короля Филиппа III.
- ³⁶ *de Carvajal L. Epistolario y Poesias. P. 109–110.*
- ³⁷ Этот обет подразумевал стремление избегать простительных (т.е., не смертных) грехов.
- ³⁸ *de Carvajal L. Escritos autobiográficos. P. 215; Abad C.M. Una Misionera. P. 375.*

³⁹ Луиса пользовалась покровительством и других представительниц этой семьи, в том числе матери графини Марии де Акунья, графини де Буэндиа. Эта дружба имела и политическое значение: дочь графини де Санта Гадеа была замужем за Кристобалем Гомесом де Сандовалем-и-Рохасом, герцогом Уседой, сыном всесильного фаворита, герцога Лермы. Еще одной покровительницей Луисы в годы пребывания ее в Вальядолиде была Ана де Мендоса, герцогиня де Инфантадо.

⁴⁰ *de Carvajal L. Epistolario y poesias. P. 112.* Луиса де Карвахаль еще до своего переезда в Вальядолид познакомилась с регулярно бывавшими в Мадриде главой Английской миссии ордена иезуитов Робертом Парсонсом, основателем коллегии св. Альбана, и Джозефом Кресуэллом, его заместителем в Испании. Подробнее об этом см.: *Redworth G. The She-Apostle. P. 75–76.*

⁴¹ Уолполы происходили из норфолкского дворянства. Четыре брата из этой семьи: Генри, Ричард, Кристофер и Майкл – стали иезуитами и миссионерами в Англии. Старший из них Генри Уолпол в 1595 г. стал одним из мучеников – его арестовали и казнили в Лондоне. Дж. Кресуэлл составил описание его мученичества (*Historia de la vida y martirio que padesció este año 1595 el P. Henrico Valpolo. Madrid, 1596*), с которым Луиса, несомненно, была знакома. Младший из братьев Майкл стал исповедником Луисы в Англии и оставался рядом с ней до самой ее смерти. Именно он привез тело покойной в Мадрид в 1614 г., а вскоре после этого составил ее первое жизнеописание (*La Vida de Doña Luysa de Carbajal y Mendoza*; рукопись не опубликована, оригинал хранится в составе коллекции материалов, подготовленных для процесса канонизации Луисы де Карвахаль в мадридском монастыре Воплощения Господня).

⁴² С 1585 г. Англия и Испания находились в состоянии войны. Для английских католиков это означало усиление преследований. Согласно принятым еще до войны законам главы семейств обязаны были платить штрафы за непосещение воскресных служб в приходских (англиканских) церквях. Сначала сумма равнялась 12 шиллингам, но в 1581 г. ее увеличили до 200 фунтов в месяц; в случае неуплаты штрафов имущество католика подлежало конфискации (с 1587 г.). В 1593 г. глав семейств обязали платить штрафы также за жен. Католические священники-миссионеры считались изменниками (по закону от 1585 г.), и в случае ареста их ждало тюремное заключение (в лучшем случае) или страшная казнь: приговоренных вешали, однако вынимали из петли до того, как те успевали задохнуться, затем им вспарывали грудную клетку и живот и извлекали внутренности, включая и еще бьющееся сердце. Затем у уже мертвого тела отсекалась голова, а порой и конечности, которые выставлялись напоказ – например, над воротами Лондонского моста. Мирян-католиков за укрывательство священников ждали арест и тюремное заключение, а порой и казнь. На годы войны с Испанией приходится пик казней католиков: 130 казненных в 1586–1603 гг. (против 35 казненных в 1577–1585 гг.). Кроме того, открыто исповедовавшие свою веру католики не могли занимать военные и гражданские посты, избираться в парламент, учить детей и получать ученую степень.

Испания покровительствовала английским католикам; именно испанские послы обычно заступались за арестованных священников. Политика Филиппа II по отношению к Англии до 1587 г., однако, была сдержанной: покровительство недовольным католикам уравновешивалось дипломатическими отношениями с протестантским правительством страны – полезным союзником в противостоянии с Францией. Только после начала вооруженного конфликта

с англичанами в Нидерландах (1585 г.) и казни Марии Стюарт (1587 г.), устранившей связанную с Францией претендентку на престол, Испания перешла к плану смены режима в Англии военным путем. Согласно плану, возникшим в среде английских эмигрантов в Мадриде не позднее 1593 г., поддержанным одной из придворных группировок, испанское оружие и/или заговор католиков должен бы возвести на английский престол подругу детских игр Луисы инфанту Изабеллу и вернуть страну в лоно Католической церкви. Луиса, несомненно, знала об этих планах, горячо их поддерживала и весьма прохладно отнеслась к известиям о начале мирных переговоров между Испанией и Англией в 1604 г. Еще менее понравилось ей и ее окружению то обстоятельство, что вопреки своим обещаниям настаивать на возвращении английским католикам политических прав и прекращения преследований испанская делегация подписала мирный договор, не получив никаких гарантий улучшения положения католиков в Англии. В 1604 г. первый парламент Якова I подтвердил все антикатолические законы предыдущего царствования. Подробнее о положении католиков в Англии см.: *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006. С. 20–54. О планах возведения на английский престол инфанты Изабеллы см.: *Она же.* Роберт Парсонс и его “Рассуждение о наследовании английского престола” // П. Парсонс. Рассуждение о наследовании английского престола / пер. и коммент. А.Ю. Серегинной. М., 2013. С. 67–89.

⁴³ Информацию о казни Кэмпбелла распространял в Испании посол при английском дворе Бернардино де Мендоса. См.: *Gregory B.S.* Salvation at Stake: Christian Martyrdom in Early Modern Europe. Cambridge (Mass.), 1999. P. 19–20.

⁴⁴ Подобные взгляды разделяли многие испанцы. Их формированию способствовали популярные истории английской Реформации, изданные в конце XVI в. иезуитом Педро де Рибаденейрой и Диего де Йепесом, епископом Тарасонским, где описывались страдания подвергавшихся гонениям католиков. См.: *de Ribadeneira P.* Historia ecclesiastica del cisma de Inglaterra. Madrid, 1588–1594. Т. 1–2. ; *de Yepes D.* Historia particular de la persecución de Inglaterra. Madrid, 1599.

⁴⁵ *Cruz A.J.* Willing Desire. P. 178; *Eadem.* Luisa de Carvajal y Mendoza y su conexión jesuita // La mujer y su representación en las literaturas hispanicas / Ed. J. Villegas Morales. Irvine, 1994. P. 97.

⁴⁶ *Redworth G.* The She-Apostle. P. 77–80.

⁴⁷ *Walsham A.* Beads, Books and Bare Ruined Choirs: Transmutations of Catholic Ritual Life in Protestant England // Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c.1570–1720 / Ed. by B. Kaplan, B. Moore, H. van Nierop and J. Pollmann. Manchester, 2009. P. 103–122, особ. P. 116–117; *Eadem.* Miracles and the Counter Reformation Mission to England // Historical Journal. 2003. Vol. 46. P. 779–815.

⁴⁸ This Tight Embrace. P. 198–219. Подробный анализ устава лондонской общины Луисы де Карвахаль и его параллелей с уставом ордена иезуитов см. в труде Глина Редворта (*Redworth G.* The She-Apostle. Ch.12. P. 148–159).

⁴⁹ *de Carvajal L.* Epistolario y Poesias. P. 121, 127.

⁵⁰ *Mullett M.* “So They Become Contemptible”: Clergy and Laity in a Mission Territory // Catholic Communities in Protestant States. P. 33–47; *Серегина А.Ю.* Женщины-католички и Англии XVI–XVII вв. Публичная роль в частной сфере? // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2012. Вып. 20. С. 83–115.

- ⁵¹ Фраза Джона Фокса восходит к *Martyrium S. Polycarpi* (II в.). См.: *Briez Monta S. Martyrdom and Literature in Early Modern England*. Cambridge, 2011. P. 211.
- ⁵² Св. Тереса в своих трудах подчеркивала покорность власти мужчин – духовных наставников и церковных иерархов; тем не менее внимательное их прочтение показывает, что идеалом ее религиозной жизни была не смиренная затворница, а воительница за веру, отвечавшая основанием новых монастырей (“домов молитвы”) на наступление протестантов. См.: *Ahlgren G.T.W. Teresa of Avila and the Politics of Sanctity*. Ithaca, 1996.
- ⁵³ Конструирование образов благочестивых женщин в биографиях и житиях XVI–XVII вв. затрагивалось по касательной в многочисленных работах, но до сих пор не было детально проанализировано и осмыслено. Эта тема безусловно заслуживает отдельного исследования и не может быть подробно рассмотрена в рамках настоящей статьи.
- ⁵⁴ *de Carvajal L. Epistolario y Poesias*. P. 144–147.
- ⁵⁵ *Redworth G. The She-Apostle*. P. 97–98. В конфликт были вовлечены иезуиты и представители секулярного священства. Камнем преткновения оказалось управление Английской миссией. Начиная с 1598 г. католические священники в Англии подчинялись архипресвитеру, который тайным обетом обязывался согласовывать свои решения с префектом Английской миссии ордена иезуитов. Часть священников видела в этом недолжное подчинение иезуитам и ратовала за восстановление в Англии католического епископата. См.: *Серегуна А.Ю. Политическая мысль ...* С. 44–52.
- ⁵⁶ Показания Хуана де Сан-Агостина. См.: *Redworth G. The She-Apostle*. P. 116.
- ⁵⁷ *Walpole M. Vida*. F. 56. Цит. по: *Redworth G. The She-Apostle*. P. 97.
- ⁵⁸ Генри Гарнет был обвинен в недонесении о заговоре, о котором он узнал на исповеди. См.: *Caraman P. Father Henry Garnet and the Gunpowder Plot*. L., 1964.
- ⁵⁹ *de Carvajal L. Escritos Autobiograficos*. P. 228.
- ⁶⁰ *Ibid.* P. 267–268.
- ⁶¹ Монастыри исчезли в Англии после 1559 г., а жизнь английских монашеских общин на континенте претерпела существенные изменения. Мужчины, вступавшие в монашеские ордена, как правило, посвящали себя миссионерской деятельности, вне зависимости от того, о каком ордена шла речь. Созерцательная жизнь стала уделом женщин. В начале XVII в. англичанки, выбиравшие монашескую жизнь, вступали либо в иностранную общину, либо в одну из двух английских обителей – монастырь бригеттинок, община которых, немало попутешествовавшая с 1559 г., нашла себе постоянное место в Лиссабоне с 1594 г., и бенедиктинское аббатство Вознесения в Брюсселе, основанное в 1598 г. на средства Мэри Перси, дочери графа Нортумберленда. Об основании английских женских монастырей на континенте см.: *Walker C. Gender and Politics in early Modern Europe: English Convents in France and the Low Countries*. N.Y., 2003.
- ⁶² *de Carvajal L. Epistolario y Poesias*. P. 127, 161, 165, 363; *Catholic Record Society Publications*. Vol. 34. P. 35–36.
- ⁶³ *de Carvajal L. Epistolario y Poesias*. P. 160.
- ⁶⁴ О передвижениях священников по стране см.: *McCoog T.M., S.J. Sparrows on the Rooftop: “How We Live Where We Live” in Elizabethan England // Spirit, Style, Story: Essays Honouring John W. Padberg, S.J. / Ed. by T.M. Lucas, S.J. Chicago, 2002. P. 327–364.*

- ⁶⁵ *Smith R.* Life of Lady Montague. St Omer, 1627. P. 27: “she had two goodly Mansion houses, the one upon the Tames side neere London-bridge, in which, from the first beginning of persecution by Queen Elizabeth was a common retire for Priests comming in, and going out of England; and also a refuge for such as resided in London; wherein also one Priest had his residence, to minister the sacraments to such Catholikes as resorted thither”.
- ⁶⁶ *Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c.1550–1640. Cambridge, 2006. P. 428.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 204.
- ⁶⁸ Присягающий должен был объявить “еретическим” учение о праве папы смешать государей с престола. Поскольку это учение поддерживали в прошлом несколько пап (последним из них был Сикст V), данная фраза могла быть истолкована как признание этих пап еретиками. Папа Павел V запретил английским католикам ее приносить, невзирая на угрозу казни. О присяге на верность и полемике вокруг нее см.: *Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков. С. 54–56, 130–155.
- ⁶⁹ *McClain L.* Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559–1642. L., 2004. P. 144–147.
- ⁷⁰ *de Carvajal L.* Epistolario y Poesias. P. 222.
- ⁷¹ *Ibid.* P. 322.
- ⁷² *Ibid.*
- ⁷³ *Ibid.* P. 369, 388–389, 402.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 388–389.
- ⁷⁵ *Ibid.* P. 277.
- ⁷⁶ *Ibid.* P. 330–331, 354.
- ⁷⁷ This Tight Embrace. P. 264, 266, 268: «La cause fue, porque llegando un dia a una tienda de Chepsaid, desde afuera, como suelo, de pechos sobre el tablon, se ofrecio preguntar a uno de los mancebos si era catolico, y el respindio, “no, God Forbid!”, Y yo replique, “No permita Dios que no lo seas, que es lo que os importa”. Con esto acudieron la senore y el senor de la tienda y otro mancebo y mercaderes vecinos, y trabose grande platica de la confesion, pero lo principal en que se gasto en tiempo (de mas de dos horas) fue en si la roman religion es la sola verdadera, y si el Pap es cabeza de la Iglesia, y si sucesivamente en ellos han quedado las llaves de San Padro para siempre. Algunos oian con gusto, otros con rabiam y tanta que adverti algun peligro, por lo menos de ser presa. Pero no lo estime en nada, a truco de ponerles aquella luz delante de los ojos en la mayor manera que pude. Y en estas cosas llanas de fe hay razones sabidas muy convenientes a quienquiera, y con que se puede hacer Guerra al error. Y aunque no lo tomen bien de presente, en fin les quedan aquellas verdades en la memoria, con motivo para discurrir y puerta abierta a las santas inspiraciones, y justificase mucho la cause de Dios para su salvacion o condenacion de ellos. Y hay muchisimos que jamas llegan ni aun a saber do[nde] estan los sacerdotes, y de los catolicos legos, no muchos quieren aventurarse tanto sin conocido fruto. Y los mercaderes de Chepsaid exceden en la malicia, error, y odio del papa y nuestra santa fe al resto de la ciudad, como tambien en gente y dinero. Y puedese algo de esto conocer en que, habiendo yo diversas veces hablando en ocasiones con otros de la misma manera sin diferencia, siempre lo tomaron apaciblemente. La senora de la tienda procuraba levantar la colera a todos, y otro infernal mancebo que estaba alli, menor en eded y mayor en malicia. La mujer decia que era lastima que me sufriesen y que, sin duda, yo era algun sacerdote romano en habito de mujer, para poder persuader mayor mi

religion. Sirviose Nuestro Senor que pudiese hablar major el ingles que despues que he estado en Inglaterra, y pensaban era escocesa por la langue y mostrar aficion al rey, porque, llegando uno de los mas ancianos a mi, dijo que si el no era harto sabio para no hacer seguir error en su reino. Respindi que no tratasen del rey, que habia quedado nino sin su santa madre catolica, en poder de puritanos, y que ellos tenian mas verdadero y legitimo rey que lo fue la reina Isabel. Y en breves palabras paso y volvimos a la santa religion otra vez».

⁷⁸ См. об этом: *McCoog T.M., S.J.* “Playing the Champion”: the Role of Disputation in the Jesuit Mission // *The Reckoned Expense: Edmund Campion and the early English Jesuits* / Ed. by T. M. McCoog, S.J. Woodbridge, 1996. P. 119–141.

⁷⁹ О диспуте с участием Эдмунда Кэмпiona см.: *Holleran J.V.* A Jesuit Challenge: Edmund Campion’s Debates at the Tower of London in 1581. N.Y., 1999.

⁸⁰ О принуждении мирян к участию в диспутах о вере см.: *Questier M.C.* Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625. Cambridge, 1996. P. 154–156.

⁸¹ О рукописных катехизисах и пособиях по полемическому богословию, подготовленных мирянами для своих дочерей на рубеже XVI–XVII вв., см.: *Серегина А.Ю.* Религиозное образование мирян-католиков в Англии XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2010. Вып. 31. С. 186–200; *Она же.* “Католическая энциклопедия” начала XVII в. Формирование исторической памяти английского католического сообщества // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2012. Вып. 40. С. 51–63.

⁸² *The Chronicle of the English Augustinian Canonesses Regular of the Lateran at St Monica’s in Louvain* / Ed. by A. Hamilton. Edinburgh, 1906. Vol. II. P. 41.

⁸³ *Ibid.* Vol. I. Edinburgh, 1904. P. 155–156: “she <...> gave herself to the reading of Scripture that she might the better confute the adverse part. For finding the heretics in fault, both in good life and in their opinions, she would dispute with the parsons and speak so well in the defence of Catholics”.

⁸⁴ Хотя Луиса и намекает на возможность преследований в начале письма, это, скорее, можно отнести к области стратегии выстраивания своего образа, применявшейся ею в переписке. Данная тема была отчасти затронута в статье Элены Леви-Наварро (*Levy-Navarro E.* The Religious Warrior: Luisa de Carvajal y Mendoza’s Correspondence with Rodrigo de Calderon // *Women’s Letters Across Europe, 1400–1700: Form and Persuasion* / Ed. by J. Couchman and A. Crabb. Aldershot, 2005. P. 263–273), однако другие ее аспекты еще ждут своего исследователя.

⁸⁵ *de Carvajal L.* Epistolario y Poesias. P. 295, 354, 374.

⁸⁶ Луиса де Карвахаль не только повторяла действия английских дам, но и сама становилась объектом для подражания. Так, Мэри Уорд, позднее (в 1620-х годах) прозванная недоброжелателями “иезуитессой” за попытку превратить основанный ею “Институт Девы Марии” в женскую параллель ордену иезуитов (и поплатившаяся за эту дерзость заключением в тюрьме инквизиции), знала Луису лично, а позднее и сама проповедовала на улицах Лондона. См.: *Lux-Steritt L.* Redefining Female Religious Life: French Ursulines and English Ladies in Seventeenth-Century Catholicism. Aldershot, 2005. P. 124. О Мэри Уорд см.: *Серегина А.Ю.* “Смирение и покорность”: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII в. // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* М., 2006. Вып. 12. С. 118–144, особ. 118–123.

⁸⁷ См. примеч. 85.

- ⁸⁸ *Miños L.* Vida y Virtudes de la venerable Virgen Doña Luisa de Carvajal y Mendoza. Madrid, 1632. F. 125: “essa necesidad dava licencia a mugeres santas, no por dispensacion de la ley commun, sino porque la misma ley no se entienda, ni habla en este caso. Tal era la provincial de Inglaterra, donde los ministros les Evangelio, y cooperarios de los Apostoles no pueden hablar in public y enseñar la verdad Catolica”.
- ⁸⁹ This Tight Embrace. P. 278: “En la arcel hable de religion mucho mas que fuera de ella lo habia hecho, con todos los calceros y oficiales y deudos y amigos suyos que, con mi licencia, trujeron para hablarme. Y tomaronlo moy suavemente. Y no quise excusarlo, acordanome del Santo Apostol, que dice que la palabra de Dios no estaba atada”.
- ⁹⁰ Джордж Эббот (1562–1633) стал архиепископом Кентерберийским в 1611 г. Он прославился жесткими мерами против всех неконформистов, как пуритан, так и католиков. Последние в 1611–1617 гг. часто сталкивались с требованием принести присягу на верность королю, запрещенную Римом (см. выше, примеч. 68), причем архиепископ настаивал на последовательном применении карательных мер по всем диоцезам.
- ⁹¹ О трактате Ф. Суареса см.: *Серегина А.Ю.* Политическая мысль ... С. 112–116.
- ⁹² Диего Сармьенто де Акунья, граф Гондомар (1567–1626), посол Испании в Лондоне в 1613–1622 гг.
- ⁹³ Эта дама была племянницей упомянутой выше Магдалены де Сан-Херонимо; в 70-е годы XVI в. она прислуживала юной Луисе во время пребывания той в мадридском монастыре кармелиток. См.: *Redworth G.* The She-Apostle. P. 292.
- ⁹⁴ *Senning C.F.* The Carvajal Affair: Gondomar and James I // *Catholic Historical Review.* 1970. Vol. 56. P. 42–66; *Fox G.* “The King Disapproves...”: Luisa de Carvajal’s London Mission, 1605–1614 // *Heroes and Villains: The Creation and Propaganda of an Image* / Ed. by C.H.L. George and J. Sutherland. Durham, 2004. P. 33–43.
- ⁹⁵ “por delante de las puertas de el palacio, por las callas mas publicas y principales”. Цитата из материалов, подготовленных к процессу о канонизации Луисы де Карвахаль приводится по: *Redworth G.* The She-Apostle. P. 261. N. 564.
- ⁹⁶ *Rowlands M.B.* Harbourers and Housekeepers: Catholic Women in England, 1570–1720 // *Catholic Communities in Protestant States.* P. 200–215; *Серегина А.Ю.* “Смирение и покорность”: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI – начала XVII в. // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* М., 2006. Вып. 12. С. 118–144; *Она же.* Женщины-католички в Англии XVI–XVII вв.
- ⁹⁷ *Серегина А.Ю.* Сбой системы: применение формулы *reine forte et dure* в английском судопроизводстве XVI века // *Право в средневековом мире* / под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008. С. 224–249.
- ⁹⁸ *Серегина А.Ю.* Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII вв. // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* М., 2008. Вып. 15. С. 53–99.
- ⁹⁹ *Серегина А.Ю.* Историописание в женских монастырях: “Хроника” конвента Св. Моники (XVII в.) // *Адам и Ева: Альманах гендерной истории.* М., 2011. Вып. 19. С. 119–147.
- ¹⁰⁰ Подсчеты произведены по изд.: *de Carvajal L.* Epistolario y Poesias.
- ¹⁰¹ *de Carvajal L.* Epistolario y Poesias. P. 383.

СОДЕРЖАНИЕ

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЕ

Ю.Е. Арнаутова

ВВЕДЕНИЕ 5

С. Кланп

ЖЕНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ОБЩИНЫ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО ВЕРХНЕГО РЕЙНА (НА ПРИМЕРЕ ОБЩИНЫ СВ. СТЕФАНА В СТРАСБУРГЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ) 9

З. Хирбодиан (Шмитт)

“ДИКИЕ, РАЗВРАТНЫЕ И НЕДУХОВНЫЕ СЕСТРЫ”: ЖЕНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ СТРАСБУРГА В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ 32

А.Ю. Серегина

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ И УЛИЧНЫЙ ПРОПОВЕДНИК: ЛУИСА ДЕ КАРВАХАЛЬ В ЛОНДОНЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА 57

Е.Б. Смилянская

ЖЕНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ КОНЦА XX ВЕКА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ПОЛЕВОГО АРХЕОГРАФА) 90

О.И. Тогоева

“ОСТАВИВШИЕ СОЗДАТЕЛЯ И ОБРАТИВШИЕСЯ К САТАНЕ”. ВЕДОВСКИЕ СЕКТЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 115

ПРАВИЛО СВЯТОГО ЦЕЗАРИЯ [Арльского] 133

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

О.Г. Экле

“ИСТОРИЯ” КАК НАУКА – “ИСТОРИЯ” КАК РОМАН 157

ИЗОБРАЖЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Воскобойников

СНОВА О ТЕЛЕ КОРОЛЯ. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ОТТОНОВСКОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЫ 177

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

М.Р. Ненарокова

СВ. ОСВАЛЬД НОРТУМБРИЙСКИЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ХРИСТИАНСКОГО ПРАВИТЕЛЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 205

Н.А. Ганина

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ У МЕХТИЛЬДЫ МАГДЕБУРГСКОЙ..... 242

О.Е. Кошелева

ИИСУС КАК УЧИТЕЛЬ В РУССКИХ УЧЕБНЫХ ТЕКСТАХ XVI–XVII ВЕКОВ..... 329

П.-А. Будин

ВЕДОВСТВО В ШВЕДСКОЙ ДЕРЕВНЕ. БАХТИНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА 346

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

М.А. Курышева

ЗАБЫТЫЙ МАСТЕР: ЭСКИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ВИЗАНТИНИСТА М.А. ШАНГИНА 364

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Н.А. Ганина

ДУХОВНЫЙ СТРАСБУРГ

Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012 388

Н.Г. Терехова

ИТАЛЬЯНСКАЯ МИКРОИСТОРИЯ: ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011 393

А.Н. Алексеев, А.Ю. Даниэль

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное. 2003–2012. СПб., 2013..... 415

IN MEMORIAM

ЖАК ЛЕ ГОФФ (1.01.1924–1.04.2014) 422

SUMMARIES..... 425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 431

CONTENTS

MULIERES IN ECCLESIIIS TACEANT? WOMAN IN A RELIGIOUS COMMUNITY

Yulia E. Arnautova

INTRODUCTION 5

Sabine Klapp

WOMEN'S CONVENTS IN THE CITIES OF UPPER RHINE: THE CASE OF
THE CONVENT OF ST. STEPHEN IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG 9

Sigrid Hirbodian

“WILD, LECHEROUS AND UNSPIRITUAL SISTERS”: WOMEN'S
CONVENTS IN LATE MEDIEVAL STRASBOURG..... 32

Anna Yu. Seregina

A DEFENDER OF FAITH AND A STREET PREACHER: LUISA DE
CARVAJAL IN THE EARLY 17TH CENTURY LONDON..... 57

Elena B. Smilyanskaya

WOMEN'S SPIRITUAL LEADERSHIP IN AN OLD BELIEVER
COMMUNITY AT THE END OF THE 20TH CENTURY: FIELD NOTES..... 90

Olga I. Togoeva

“THOSE WHO FORSOOK THE CREATOR AND TURNED TO SATAN”:
WITCHES' SECTS OF THE LATE MIDDLE AGES 115

CESARIUS OF ARLES *REGULA AD VIRGINES* 133

THEORY OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Otto Gerhard Oexle

“HISTORY” AS SCIENCE – “HISTORY” AS NOVEL..... 157

IMAGES AND POLITICAL HISTORY

Oleg S. Voskoboinikov

ONCE AGAIN ON THE KING'S TWO BODIES. TOWARDS THE POETIC
OF OTTONIAN BOOK ILLUMINATION 177

RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

Maria R. Nenarokova

THE HOLY KING OSWALD OF NORTHUMBRIA: THE TRANSFORMA-
TION OF A CHRISTIAN RULER'S IMAGE IN THE MEDIEVAL LATIN
LITERATURE 205

<i>Natalia A. Ganina</i>	
MECHTHILD OF MADGEBURG'S SPACE AND TIME.....	242
<i>Olga E. Kosheleva</i>	
JESUS AS A TEACHER IN 16 TH AND 17 TH CENTURY RUSSIAN SCHOOL TEXTS.....	329
<i>Per-Arne Bodin</i>	
WITCHES IN BOTEÅ.....	346

HISTORIAN AND TIME

<i>Marina A. Kurysheva</i>	
HISTORIAN OF BYZANTIUM MSTISLAV SHANGIN: THE UNREMEMBERED MASTER.....	364

REVIEWS

<i>Natalia A. Ganina</i>	
SPIRITUAL STRASBOURG	
Schreiben und Lesen in der Stadt. Literaturbetrieb im spätmittelalterlichen Straßburg / Hrsg. von Stephen Mossman, Nigel P. Palmer, Felix Heinzer. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2012.....	388
<i>Natalia G. Terekhova</i>	
ITALIAN MICRO-HISTORY: TWENTY FIVE YEARS LATER	
A 25 anni da L'Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011.....	393
<i>Andrei N. Alexeev, Alexandre Yu. Daniel</i>	
RIGHT TO NAME	
Biographica in the 20 th century. Veniamin Ioffe Memorial Conference. Selection. 2003–2012. Sankt-Peterburg, 2013.....	415
IN MEMORIAM	
G. LE GOFF (1.01.1924–1.04.2014).....	422
SUMMARIES	425
ABOUT AUTHORS	431